

И. М. ДЬЯКОНОВ

РАЗВИТИЕ
ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АССИРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1949

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
<i>Глава I.</i> Очерк земельных отношений старо-ассирийского периода	10
<i>Глава II.</i> Земельные отношения средне-ассирийского периода	37
<i>Глава III.</i> Земельные отношения ново-ассирийского периода	80
Заключение	147
Список сокращений	151

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является опытом построения по возможности связной картины истории развития земельных отношений в Ассирии.

Для разрешения принципиальных социально-экономических вопросов истории Древнего Востока клинописные памятники Вавилонии и Ассирии представляют наиболее благодарный материал, так как в значительной своей части являются частно-правовыми документами, деловыми письмами и документами хозяйственной отчетности. Ассирийские документы особенно удобны для изучения развития хозяйственной жизни общества, ибо представляют собой три компактных и удобообозримых группы документов, достаточно многочисленных и относящихся к трем наиболее важным периодам истории ассирийского государства—к периоду до создания ассирийской державы, к периоду первого подъема и расцвета Ассирии в середине II тысячелетия до н. э. и к периоду „мирового господства“ Ассирии, непосредственно предшествующему падению державы.

Ассирия не принадлежала к числу наиболее типичных речных культур Древнего Востока, как Египет и Вавилония, но может считаться довольно характерным образцом среди других древневосточных обществ, в которых речное земледелие сочеталось с земледелием, основанным на колодезном орошении и на использовании дождевых вод, а также со скотоводством. Для нас не менее важно составить себе ясную картину социально-экономического развития в этих обществах, чем в ведущих областях—Вавилонии и Египте. Кроме того, Ассирия создала в I тысячелетии до н. э. первое „мировое“ государство, охватившее территорию всех обществ классического Древнего Востока и явившееся предшественником государств Навуходоносора, Кира, Александра и следовавших за ними. И с этой точки зрения детальное исследование социально-экономических отношений внутри ассирийского общества является весьма существенным.

До сих пор социально-экономической истории Ассирии не уделялось достаточного внимания. На Западе в общенсторических работах излагается почти исключительно внешне-политическая история, а в работах социально-экономических ассирийское общество вообще не отделяется от общества вавилонского, причем факты приводятся без различия из всех эпох истории как

Вавилонии, так и Ассирии, начиная с ранне-шумерского периода и кончая периодом державы Саргонидов. То же верно и в отношении русских дореволюционных работ¹. Это стоит в связи с антиисторическим взглядом на Древний Восток, как на общество, лишенное какого бы то ни было развития. Указанными работами, как правило, можно пользоваться только в той мере, в какой они содержат фактический материал.

В советской литературе социально-экономической истории Ассирии также пока еще не уделялось достаточного внимания. Дискуссия о древне-восточном социально-экономическом строе (в работах акад. В. В. Струве и Н. М. Никольского) велась преимущественно по поводу вавилонского и шумерского материала. В своей „Истории древнего Востока“² акад. В. В. Струве излагает социально-экономическую историю Ассирии в общих чертах; ряд деталей, приводившихся им в первом издании его труда³, выпущены во втором, очевидно вследствие спорности или недостаточной исследованности вопроса. Экономика Ассирии затрагивается акад. Н. М. Никольским в некоторых его работах⁴, но также лишь в самом общем виде, причем целые большие группы источников остались им вовсе не использованными. По большинству конкретных вопросов советские работы отсутствуют.

Из западно-европейских работ для нашего исследования можно было использовать лишь публикации филологов, издававших тексты, и частью интерпретации юристов, занимавшихся данными источниками с формально-правовой точки зрения. Для старо-ассирийского периода из этих работ нужно отметить труд G. Eisser und J. Lewy, *Altassyrische Rechtsurkunden vom Kül-Tepe, MVAG 1933*⁵, а также разбросанные по различным изданиям автографии и переводы деловых документов и писем из ассирийских колоний в Каппадокии, — материал, вкратце обобщенный в маленькой работе Бенно Ландсбергера⁶, главы разгромленной фашистами лейпцигской школы ассириологии.

Для памятников средне-ассирийского периода, за исключением Судебника, неоднократно подвергавшегося обработке в трудах Зелольфа, Кошакера и других, и наиболее полно в большой работе.

¹ Ср., например, хотя бы „Аграрную историю древнего мира“ Макса Вебера, стр. 62 русского издания, а из русских работ — например „Монархии древнего мира“ Н. И. Кареева и т. п.

² Акад. В. В. Струве. История древнего Востока, Госполитиздат, 1941, гл. XX, XXVI, XXVIII.

³ См., напр., акад. В. В. Струве, I том „Истории древнего мира“, ГАИМК, т. I, стр. 372—373 (о кормлении воинов).

⁴ Акад. Н. М. Никольский, Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, I (14), 1941, стр. 57 след.; Частное землевладение... в древнем Двуречье, Минск, 1948, стр. 99 след.

⁵ К сожалению, мне не был доступен том III—IV этой работы. Основные документы, касающиеся темы настоящей работы, собраны, впрочем, в I—II томе.

⁶ B. Landsberger. *Assyrische Handelskolonien* in Kleinasien, der A. O. 24, 4.

Драйвера и Майльза¹, основой для исследования являются все еще издания текстов в автографиях Шрёдера и Эбелинга², лишь частично и далеко не совершенно изданных в транскрипции и переводе Эбелингом и Давидом³. С юридической стороны частно-правовые документы этого времени подверглись подробнейшему анализу в работе Koschaker'a, *Neue Keilschriftliche Rechtsurkunden aus der El-Amarna-Zeit*⁴. В той мере, в какой Кошакер в этой работе касается социальных вопросов, он, однако, не идет далее предположения о существовании феодальной системы в средне-ассирийскую эпоху⁵ — конечно, в буржуазном понимании этого слова, т. е. как строя, в котором существуют отношения вассалитета.

Деловые и хозяйственные документы ново-ассирийского времени, в своем большинстве происходящие из Куюнджикского архива, хранящегося в Британском музее, изданы в автографии, изложении и с комментариями, в основном, Джонсом в его „*Assyrian Deeds and Documents*“⁶, а в транскрипции и переводе собраны в книге J. Kohler'a и A. Ungnad'a, *Assyrische Rechtsurkunden*⁷. Несмотря на то, что филологическое издание Колера — Унгада стоит значительно выше работы Джонса, с точки зрения толкования и обработки документов краткое юридическое резюме Колера дает очень мало. Гораздо больше дают комментарии Джонса. Несмотря на устарелость в отдельных частях, на чрезвычайную несистематичность и загроможденность ненужным материалом (как, например, детальнейшим анализом первых попыток чтения ассирийских документов Оппергом и другими пионерами ассириологии) трехтомные комментарии Джонса содержат множество разбросанных, но основательных наблюдений — результат более чем двадцатилетней работы над источниками, — являющихся и поныне очень важным материалом для изучения ново-ассирийского общества. Каких-либо обобщений, однако, у Джонса нет.

Книга Джонса „*Assyrian Deeds and Documents*“ и другая его работа „*An Assyrian Doomsday-Book*“⁸, где издан ассирийский реестр земель и населения Харранской провинции, остаются до

¹ G. R. Driver and John C. Miles, *The Assyrian Laws*, Oxford, 1935. Там же полная библиография.

² Otto Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts*, WVD OG 35, L. 1920; Erich Ebeling, *Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts*, WVD OG, 50, L. 1927.

³ M. David und E. Ebeling. *Assyrische Rechtsurkunden*, Zeitschr. f. vergl. Rechtswissenschaft, XXIV, Stuttgart, 1929; E. Ebeling, *Urkunden des Archivs von Assur aus mittelassyrischer Zeit*, L. 1933.

⁴ В „*Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der sächs. Akademie der Wissenschaften*“, L. 1928.

⁵ P. Koschaker, ук. соч., стр. 44—45.

⁶ C. H. W. Johns, *Assyrian Deeds and Documents Recording the Transfer of Property etc. chiefly of the Fifth Cent. B. C.*, I—IV, 1898—1922.

⁷ Leipzig, 1913.

⁸ C. H. W. Johns, *An Assyrian Doomsday-Book or Liber Censualis*, Assyriologische Bibliothek, L. 1901.

сих пэр основой для изучения ново-ассирийского общества, тем более, что первая из этих книг содержит множество документов, изданных только в автографии, которые нигде и никем более не обрабатывались и незаслуженно не пользовались вниманием.

Хуже, чем с юридическими документами, обстоит дело с использованием писем. По старо-ассирийским письмам не имеется сводных и достаточно современных работ—если не считать упоминавшегося краткого очерка Ландсбергера. Поэтому я отказался от использования этого трудного и мало разработанного материала в настоящей работе. Небольшое количество средне-ассирийских писем издано Шрёдером и Эбелингом¹, но они ничего не дают для темы нашей работы. Богатый архив ново-ассирийских писем, изданный в клинописном тексте Харпером², а в транскрипции и переводе,— не считая частичных тематических изданий³,— Уотермэном⁴, не может считаться достаточно обработанным с точки зрения современных требований науки. В частности, переводы Уотермэна совершенно недостаточно учитывают достижения таких исследователей, как Джонс, Унгнад и Ильвисакер в области поздне-ассирийской лексики и грамматики, и являются крайне ненадежными⁵. Для того же, чтобы давать вполне точные и достоверные переводы этих писем, потребовалось бы заново основательно переработать весь этот огромный материал. Все же, хотя и в ограниченном масштабе, я счел возможным привлекать данные ново-ассирийских писем.

Для исторических надписей основной сводкой является книга Luckenbill'a, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, Vol. I-II, 1927, содержащая переводы (впрочем не всегда вполне точные, в особенности в отношении технических терминов) всех известных надписей, и полную библиографию всех изданий автографий, транскрипций и переводов⁶. Эти издания слишком многочисленны, чтобы их перечислять здесь. Лишь немногие из исторических надписей дают материал для темы настоящей работы.

Различным сторонам ново-ассирийского общества было посвящено множество отдельных работ, однако, все эти работы—основанные на письмах и исторических надписях—касаются главным образом системы государственного управления, и мало или

¹ E. Ebeling, UAA, автографии в KAV.

² R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian Letters*, vol. I—XII, 1892 и сл.

³ Напр. E. Klaubner, *Keilschriftbriefe*, Der A. O. 1910; H. H. Figulla, *Der Briefwechsel Bêl-ibnis*, 1912; E. Behrens, *Ass.-bab. Briefe kultischen Inhalts*, 1906. и др.

⁴ L. Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, Vol. I—IV, Ann. Arbor, 1930—36.

⁵ Ср., например, его беспомощный перевод юридического документа, NABL 609, с переводами аналогичных документов в гораздо более ранней работе Колера и Унгнада и даже Джонса.

⁶ Поскольку книга Лукенбилля содержит библиографию исторических надписей, я буду в настоящей работе преимущественно ссылаться, имея в виду удобство читателя, незнакомого с клинописью, на эту книгу, хотя она и содержит только переводы.

почти ничего не дают для нашей темы. Таково же положение и с общими историями Ассирии, например S. Smith, *Early History of Assyria*, A. T. E. Olmstead, *History of Assyria*, и с общими работами по истории Древнего Востока.

Таким образом, реконструировать историю земельных отношений в Ассирии приходится, преимущественно, опираясь на собственный разбор первоисточников, причем далеко не всегда имеется возможность опереться на предыдущие исследования.

Первой проблемой моей работы я считал, естественно, исследование классовых отношений, существовавших в сельскохозяйственном производстве.

В работе, посвященной земельным отношениям в древне-восточном обществе, должны были, в частности, явиться предметом исследования разнообразные формы общины и различные формы землевладения, складывающиеся на общинной основе.

Членство в общине, как естественно сложившемся коллективе, является, по Марксу, „предпосылкой для присвоения земель“¹ равно и в восточной и в западной древности. „Изолированный индивид так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить“². При этом Маркс различает несколько основных форм общины. Форма общины, в которой „каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее“³—та форма, которую Маркс условно называет „восточной“ или „азиатской“—есть типичная для Древнего Востока, но не является единственной и непреременной формой общины, исключительно и монополюсн существующей к востоку от некоего воображаемого меридиана. Так и еврейское общество Маркс в некоторых отношениях ставит на одну доску с Грецией и Римом⁴.

Устойчивость общины на Востоке в противоположность Западу зависит от неизбежности применения коллективных видов труда в ирригационном хозяйстве, определяется, следовательно, местными природными условиями и является поэтому фактором, лишь модифицирующим производственные отношения, но не создающим их. Характер этой модификации чрезвычайно существен при анализе древне-восточного общества. В разные периоды истории возможны различные формы землевладения на общинной основе, как и разные формы существования самой общины.

Этим очерчивается тот круг задач, которые надлежит, в меру наличия материала, попытаться разрешить в настоящей работе для одного из обществ Древнего Востока. При этом я попытаюсь дать картину качественного исторического развития этого

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Политиздат, 1940, стр. 9.

² Ук. соч., стр. 17.

³ Ук. соч., стр. 11, прим.*

⁴ Ук. соч., стр. 10.

общества, полагая, что одной из важнейших ошибок большинства исследователей до сих пор являлось то, что они видели в истории Древнего Востока фактически лишь количественное, а не качественное развитие.

Само собой разумеется, что это является лишь первой попыткой исторического изложения одной из сторон социально-экономического строя данного древне-восточного общества, и результаты могут быть только предварительными и приблизительными.

Необходимо сказать несколько слов об объекте настоящей работы. Таковым является ассирийское общество, а не ассирийская „нация“, народность или этнос. В древности связующим моментом является община или единство общинных коллективов; язык же, происхождение и раса членов имеют мало значения. Понятия „ассириец“, „вавилонянин“, „египтянин“ и т. п. на Древнем Востоке всегда означают государственную или общинную принадлежность, а не языковую, антропологическую или этнографическую. Объективно существовавшие языковые и этнические особенности не были, как правило, социальным фактором, коль скоро распадалось племенное объединение. Субъективно же общинная принадлежность ощущалась гораздо более, нежели языковая. В Вавилонии мы видим мирно сосуществующих в пределах одних и тех же государств и одних и тех же общин людей семитского и шумерского языка¹; точно также в Ассирии на всех этапах ее истории мы видим сосуществование различных языковых и этнических групп, но всякие попытки связать эти этнические группы с определенными социальными слоями являются тщетными.

Совершенно смехотворной является фашистская попытка превратить ассирийцев из семитов (какими они являются по языку) в субарейцев, а субарейцев—в „арийцев“ по расе, и делать отсюда далеко идущие выводы об изначальной якобы „государствотворческой“ способности „арийцев“. Всюду, где в настоящей работе будет говориться об ассирийцах, субарейцах, шумерах, вавилонянах, индо-иранцах, семитах и т. п., будет всегда иметься в виду либо государственная принадлежность, либо язык, и ничего более.

Естественным результатом такого подхода к объекту исследования является различный объем исследуемого объекта в различных частях работы. Если в первой главе разбираются земельные отношения в городе Ашшуре и его колониях, то во второй—разбираются эти отношения в собственно Ассирии на среднем течении Тигра, а в третьей—в великой ассирийской державе во всем ее объеме. Это является вполне закономерным, ибо нельзя понять общества Ассирии, не поняв городской общины, из которой она выросла, и нельзя понять общества великой ассирийской державы, не поняв более раннего общества, которое ее создало.

¹ Т. Jacobsen, JAOS, 1939, 4, p. 485 сл.

Тема настоящей работы выросла из небольшого доклада о ново-ассирийских социальных отношениях, читанного мной в студенческие годы в Ленинградском Государственном университете и в Государственном Эрмитаже. Для выяснения ряда вопросов пришлось в дальнейшем заняться также и предшествующими периодами истории Ассирии, в особенности в связи с писавшимися мною для „Всемирной истории“ Академии Наук СССР главами по ассирийской истории. В ходе моей тогдашней работы неоценимую помощь мне оказывал мой покойный учитель проф. А. П. Рифтин, предоставлявший мне свою богатую словарную картотеку и повседневно помогавший советами и указаниями. В частности, я обязан ему введением меня в понимание трудных каппадокийских текстов. Особенно благодарен я А. П. за полученную мною основательную лингвистическую подготовку, которая позволила мне разрешать вопросы толкования клинописных памятников.

Говоря о моих университетских учителях, я не могу не упомянуть о безвременно ушедших А. Я. Борисове, И. Г. Франк-Каменецком и Н. В. Юшманове. Они ввели меня в семитскую филологию, знание которой на каждом шагу оказывалось для меня столь существенным. Я чрезвычайно много обязан также коллективу Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Наконец, должен отметить, что замечания, сделанные мне в связи с моими первыми докладами на эту тему, а в особенности чрезвычайно ценные замечания акад. В. В. Струве на настоящую работу, сделанные им в качестве официального оппонента при защите ее как диссертации, были мною с благодарностью учтены. За поддержку высказанных в настоящей работе мыслей я чрезвычайно признателен также моему второму оппоненту, проф. Н. Д. Флиттнер. За ценные юридические указания я должен сердечно поблагодарить проф. Я. М. Магазинера.

По техническим причинам в настоящей работе пришлось упростить общепринятую ассириологическую транслитерацию и транскрипцию¹ и значительно сократить число приводимых на языке оригинала текстов.

¹ Долгий гласный обозначается двоеточием, звук „ш“—русским „ш“, эмфатические s, k и t—знаками ц, q и т, язычковое h—русским х. Прописными буквами обозначены идеограммы, когда их чтение неизвестно или не приводится, мелким шрифтом над строкой обозначены детерминативы и фонетические дополнения. Омофонические знаки различаются цифровыми показателями по системе Тьюро-Данжэна—Даймеля. Шумерские и аккадские слова шрифтом не различаются.

Формы терминов в I главе—старо-ассирийские; во II—средне-ассирийские, в III—преимущественно приведенные к нормам литературного ново-аккадского. Отсюда видимость некоторого расхождения в терминах.